

РЕЦЕНЗИИ

Schaller H.W. *Geschichte der Slawischen und Baltischen Philologie an der Universität Königsberg*. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2009. 193 S.

(Шаллер Х.В. *История славянской и балтийской филологии в Кёнигсбергском университете*. Франкфурт-на-Майне: Петер Ланг, 2009. 193 с.)

В своей небольшой работе Х. В. Шаллер, преподававший много лет славянскую и балканскую филологию в Марбурге, попытался собрать все возможные сведения о том, как в Кёнигсбергском университете на протяжении столетий изучали славянские и балтийские языки. В первой главе дана общая характеристика истории Альбертины, анализируется значение университета для восточноевропейских исследований (*Osteuropaforschung*) в Германии; здесь же приведен краткий обзор литературы по теме. Становление балтистики и славистики в Кёнигсбергском университете происходило в тесной связи с историей региона. В Новое время в Восточной Пруссии говорили на четырех языках — помимо немецкого это были литовский, мазурский и польский. Неудивительно поэтому, что самые ранние научные изыскания были осуществлены в сфере литуанистики и полонистики. Литовским и польским исследованиям в Кёнигсберге вплоть до конца XVIII в. посвящена вторая глава книги (рассмотрена также деятельность Ф. и А. Куршатов в XIX — первой половине XX в.). В третьей главе рассказывается об оживлении научного интереса к прусскому языку в XIX в. Для российского читателя особо значима вторая половина работы Х. В. Шаллера. Три заключительные главы книги посвящены последним полутора столетиям истории Альбертины — времени, когда балто-славянская филология оформилась как самостоятельная область изучения и преподавания.

Четвертая глава посвящена XIX в. и началу XX в. вплоть до окончания Первой мировой войны. У истоков балто-славянских исследований стоит Иоганн Северин Фатер (*Vater*, 1771 — 1826), который был в 1809 — 1820 гг. профессором ветхозаветной теологии, истории церкви и практической теологии в Альбертине. Фатер изучал теологию в Йене, там же увлекся «восточными» языками, включая польский и русский. Он совсем немного занимался «норманнским вопросом» («*Warägerfrage*»): в 1812 г. опубликовал в Кёнигсберге статью «Были ли германцы основателями русской державы?» Кроме того, перу Фатера принадлежал ряд учебников русского языка, выпущенных в 1808 — 1813 гг. Заслуги ученого были высоко оценены Александром I. Х. В. Шаллер цитирует письмо русского царя: «Господину профессору Кёнигсбергского университета Фатеру. Желая наградить усердие ваше и труды в распространении в Германии российской словесности, всемиловитейше жалую вас кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира четвертой степени, коего знаки при сем препровождаются. Дрезден, 25 апреля 1813 года. Александр» (S. 103 — 104). Информации о деятель-

ности Фатера в Кёнигсберге очень мало, и Шаллер полагает, что интерес к славянским языкам был в это время невелик (S. 106).

Институционализация славянской филологии в Кёнигсбергском университете была связана с именем востоковеда Пауля Роста (Rost, 1869–1938), начавшего преподавать русский язык с зимнего семестра 1896/97 г. (позднее — приват-доцент и с 1920 г. профессор славянской филологии). Русский язык П. Рост изучал наряду с ассириологией в Грайфсвальде. С его именем связано развитие славянской филологии как самостоятельной исследовательской области в Кёнигсбергском университете. Систематические курсы для начинающих и продолжающих занятия по русскому языку в университете дополнялись обращением к образцам русской классики: в зимнем семестре 1911/12 г. штудирование старославянских текстов сопровождалось чтением «Записок из мертвого дома» Достоевского, летний семестр был посвящен пушкинскому «Борису Годунову», а в предвоенном семестре 1913/14 г. предметом курса стал русский фольклор. В этой главе также кратко охарактеризована деятельность А. Беценбергера и Г. Геруллица по изучению прусского и литовского языков.

Пятая глава посвящена восточноевропейским исследованиям 1918–1933 гг. Развитие балто-славянских исследований этого и последующего периодов связано с именами Рейнгольда Траутмана (Trautmann, 1883–1951), Карла Генриха Майера (Meyer, 1890–1945), вышеупомянутого Георга Геруллица (Gerullis, 1888–1945) и Николая Сергеевича Арсеньева (1888–1977).

Видный балтист и славист Рейнгольд Траутман родился в Кёнигсберге в семье торговца, до 1900 г. получал образование в знаменитом Коллегиуме Фридриха, затем на теологическом факультете Альбертины, именно тогда он заинтересовался литовским языком; продолжал учебу в разных немецких университетах и в 1906 г. защитил диссертацию по германистике (была отмечена премией Кёнигсбергского университета). Уже в следующем году в Гёттингене прошла защита его докторской диссертации «Памятники прусского языка (введение, тексты, грамматика, словарь)». Р. Траутман работал в Гёттингене и Праге, в 1921–1926 гг. находился в должности ординарного профессора славянских языков и страноведения в Кёнигсберге, позже уехал в Лейпциг. В родном городе Траутман стал членом «Общества Новой России», по поручению которого в 1925 г. совершил поездку в Ленинград на двухсотлетие Академии наук (S. 128), откуда потом отправился в путешествие по Русскому Северу (свои впечатления он опубликовал годом позже; крупный фрагмент из этих воспоминаний воспроизведен в книге Шаллера — S. 128–131). В своей преподавательской деятельности Траутман уделял особое внимание польской литературе, Адаму Мицкевичу и Юлиушу Словацкому (успел опубликовать хрестоматию польской литературы), лишь в последнем своем семестре в Альбертине обратился к истории русских былин.

Несколько страниц монографии посвящено Николаю Арсеньеву. Шаллер публикует развернутую цитату из автобиографии ученого 1924 г. (S. 134–136). Арсеньев находился на должности профессора русской культурной и религиозной истории в университете вплоть до 1944 г. (Шаллер полагает, что до 1945 г. — S. 136).

В шестой главе («Восточноевропейские исследования в Кёнигсбергском университете в 1933—1945 гг. и конец его четырехсотлетней истории») констатируется, что перед Второй мировой войной и во время этого конфликта восточноевропейские исследования получили новый импульс для развития. На юридическом факультете действовал «Институт восточных исследований (Ostforschung)»; на теологическом факультете издавался ежеквартально журнал «Кириос» («Kyrios») по вопросам церковной и духовной истории Восточной Европы; на философском факультете функционировал Институт исследований Восточной Европы (Institut zum Studium Osteuropas) — как раз в нем работал Н. С. Арсеньев. Приведены названия курсов Н. С. Арсеньева военных лет: «Мировоззрение Толстого и Достоевского», «Русская семейная культура в XIX в.», «История русской культуры XIX в.» и др. В летнем семестре 1944 г. он читал на русском языке курс «Русские мыслители» (S. 162). Дальнейшая судьба Арсеньева, как известно, сложилась благополучно — он эмигрировал во Францию, а позднее — в США.

Исключительную роль в становлении славистики в Кёнигсберге сыграл Карл Генрих Майер, переводчик «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Он приехал работать в город Канта в 1935 г., а в следующем году стал экстраординарным профессором Кёнигсбергского университета. Его деятельность позволила существенно расширить круг исследований, предметом анализа стала украинская литература (читал в 1937—1939 гг. лекции по истории украинской литературы XVIII—XIX вв.), вел курсы сербскохорватского, словенского, болгарского (в 1941 г. он стал членом-корреспондентом Болгарской академии наук наряду со знаменитым Максом Фасмером), словацкого и чешского языков, польской литературы XVI—XVII вв. В 1941 г. Майер вел курс «Достоевский и Толстой», в зимнем семестре 1941/42 г. — «Граф Лев Толстой», а в летнем семестре 1944 г. — «Русский роман XIX века». Именно Майер читал последнюю в университете лекцию о Достоевском незадолго до штурма Кёнигсберга. Судьба слависта была печальной; по одному из свидетельств, Майер оказался в советском лагере под Кранцем (сейчас Зеленоградск), а после освобождения он, «совершенно обессиленный», умер по дороге в Кёнигсберг 4 мая 1945 г. (S. 173). Это сообщение в целом согласуется с тем, что пишет Фриц Гаузе в знаменитом трехтомнике по истории Кёнигсберга (S. 174).

В 30-е гг. славистикой занимались и другие исследователи. С летнего семестра 1934 г. преподавателем русского языка в Кёнигсберге стал Фридрих Вильгельм Нойман (Neumann, 1909—1979). Он родился в Санкт-Петербурге, учился в Грайфсвальде, защитил в Кёнигсберге в 1935 г. диссертацию по истории русской баллады (опубликована там же в 1937 г.), занимался польской словесностью (после войны уехал в Гамбург, затем в Майнц, где находился на должности профессора славянской филологии). Еще одним преподавателем русского (с 1938 г.) был Альфред Раммельмайер (Rammelmeyer, 1909—1995). Раммельмайер родился в Москве, изучал в Берлине теологию, романистику и славистику (у Фасмера). Там же была защищена его диссертация по истории русской басни XVIII в. В зимнем семестре 1939/40 г. на его занятиях изучалась тема «Русский символизм» с чтением поэмы «Двенадцать»

Александра Блока. Раммельмайера особенно интересовал диалект староверов, знаменитых «филиппонов», которые жили в Эккертсдорфе (сейчас Войново на Мазурах) в Восточной Пруссии. Им была посвящена докторская диссертация Раммельмайера «Филиппоны в Восточной Пруссии», которую он защитил 27 марта 1943 г. на факультете славянской филологии в Кёнигсберге (награжден премией Кёнигсбергского научного общества). Первая часть этой работы была утрачена во время войны, вторая — чудом сохранилась. После войны Раммельмайер преподавал в различных университетах Западной Германии.

В 1933—1945 гг. в Кёнигсберге были защищены две диссертации по новейшей русской литературе — «Александр Блок. Исследование новой русской истории литературы» Теодора Гудмана (Goodmann) и «Иван Шмелёв. Жизнь и творчество крупного русского писателя» Михаэля Ашенбрэннера (Aschenbrenner) (S. 165).

Развитие славистики в Кёнигсберге, резюмирует автор книги, в целом связано с деятельностью трех ученых. Во-первых, это И. С. Фатер, проводивший занятия по славянским языкам, в том числе по русскому; во-вторых, организовавший систематическое преподавание русского языка, а также литературы П. Рост, чье дело продолжил Р. Траутман; в-третьих, К. Г. Майер, который расширил тематику занятий, охватив все славянские языки и литературы.

Монография Х. В. Шаллера систематизирует информацию и существенно расширяет наши знания о том, как складывались балто-славянские исследования в Кёнигсберге. Особый интерес для российского читателя представляет история обращения немецких ученых к русской культуре, изучение которой стало по-настоящему серьезным лишь в XX в. Увы! Именно в этом веке взаимоотношения немцев и русских оказались омрачены настолько, что в трагической судьбе погибшего в безвестности слависта Карла Генриха Майера трудно не усмотреть их печальный символ.

В 1938 г., не подозревая о скором сговоре диктаторов, историк Болько фон Рихтгофен (Richthofen) издал под своей редакцией сборник «Большевицкая наука и культурная политика» («об изнасиловании большевиками русской науки», как охарактеризовал этот проект Н. С. Арсеньев в частном письме). К участию в создании сборника Рихтгофен привлек ученых из разных европейских стран; в их числе были Фридрих-Вильгельм Нойман со статьей о «ложном пути советско-русского литературоведения» и Николай Арсеньев. Статья Арсеньева «Судьба ученых в Советском Союзе» содержала биографические сведения о русских исследователях, включая А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина. Шаллер цитирует отзыв историка литературы А. Лютера на этот материал: «Процессы Галилея или Джордано Бруно меркнут перед многогранным мартирологом в статье “Судьба ученых в Советском Союзе”». В предисловии к сборнику Рихтгофен писал: «*Russica non leguntur!* Напечатанные на русском сочинения не читают сегодня за пределами России! Эта старая мысль сегодня имеет вес еще в большей мере! С языками национальных меньшинств Советского государства, такими, как украинский, грузинский и другие, дело обстоит в большинстве случаев тем более не лучше» (S. 150). После этой сентенции произошло

много событий: Вторая мировая война, «холодная война», два десятилетия относительно свободного развития российской науки... Мысль Рихтгофена остается актуальной: по-русски не читают! И все же в истории Кёнигсбергского университета было несколько исключений из этого правила. Благодаря книге Хельмута Вильгельма Шаллера нам удастся сохранять память о тех, кто независимо от политической конъюнктуры и состояния противоздушной обороны обучал немецких студентов русскому языку, обращался к шедеврам русской литературы, читал лекции о Толстом и Достоевском в городе Канта.

*И. О. Дементьев,
доц. кафедры зарубежной истории
и международных отношений БФУ им. И. Канта*